

Институт временного резидента в мусульманском праве раннего средневековья

Б. Д. Нуриев

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: nurievbd@mail.ru

В статье рассматривается институт временного резидента, оформившийся в рамках раннесредневекового мусульманского права. Автором раскрывается сущность статуса временного резидента, систематизируются его основные особенности и отличительные черты. Особое внимание уделяется вопросам практического применения института временного резидента в Арабском халифате, а также подчеркивается актуальность обозначенной темы для российского гуманитарного знания в свете происходящих трансформаций в современном мире.

Ключевые слова: Арабский халифат, межконфессиональные отношения, межобщинное право, временный резидент, зимми.

Термин *резидент*, как известно, означает иностранное физическое или юридическое лицо, временно зарегистрированное в определенном государстве и полностью подчиняющееся его национальному законодательству. Ключевыми положениями в данном определении являются официальный характер пребывания лица, факт его регистрации, а также подчинение местному праву. Считается, что временный резидент в Арабском халифате, будучи физическим лицом, вполне соответствовал данному определению: он должен был оформить соглашение с органами власти на предмет собственного пребывания, ограниченного некими временными рамками, а также подчиняться действующим нормам законодательства.

Итак, согласно положениям исламского права, временный резидент – это подданный иного государства, находящийся в границах мусульманского государства. Для более полного понимания самой сути института временного резидента необходимо обозначить четыре важных аспекта исследуемого вопроса.

Во-первых, мусульманское международное право, которое, как известно, в значительной степени оформилось на основе двух важнейших источников права – Коране и Сунне – в принципе, отрицало возможность сосуществования двух или более мусульманских государств [1]. По этой причине, временный резидент в мусульманском классическом праве – это подданный немусульманского государства. Правовой статус временного резидента рассматривался в рамках так называемого межобщинного права, оформившегося в рамках исламской правовой доктрины в период раннего средневе-

ковья. Межобщинное право наряду с межгосударственным правом является составной частью мусульманского международного права в его классической или раннесредневековой интерпретации [2].

Во-вторых, временный резидент в мусульманском государстве – это человек, получивший ограниченное временными рамками разрешение на пребывание в Арабском халифате. По мнению ряда исследователей, именно срочность договорных отношений между органами власти мусульманского государства и подданным иного государства, отличала временного резидента от более известного российским ученым *зимми*. Напомню, что статусом *зимми* наделялся подданный мусульманского государства, исповедующий одну из мировых религий: христианство, иудаизм или зороастризм [3]. Институт *зимми* также во многом регулировался положениями мусульманского межобщинного права.

В-третьих, статус временного резидента с правовой точки зрения был существенно менее исследован и концептуализирован мыслителями-правоведами Арабского халифата, нежели статус *зимми*. Данное обстоятельство, безусловно, осложняет понимание той роли, которую играл институт временного резидента в формировании межконфессиональных отношений. По некоторым вопросам между мыслителями прошлого было достигнуто взаимопонимание. Так, например, временный резидент освобождался от выплаты налогов в казну мусульманского государства. За системой правосудия также признавалась достаточно широкая автономия. Данное обстоятельство означало, что споры уголовно-правового и гражданско-правового характера между временными резидентами по тем вопросам, которые напрямую не затрагивали интересы членов мусульманской общины, решались в соответствии с положениями их собственных религиозно-правовых школ и направлений. Однако в тех случаях, когда возникал конфликт между представителем мусульманской общины или группы *зимми* с одной стороны, и временным резидентом, с другой, дело рассматривалось в суде мусульманской юрисдикции, а положения правовой системы, представляющей конфессиональную принадлежность временного резидента, как правило, игнорировались. Тем не менее, подчеркнем это снова, статус временного резидента не был строго регламентирован, а некоторые положения действующего законодательства, регулировавшие правовое положение временного резидента, были, расплывчаты и неоднозначны.

И, наконец, в-четвертых, правовой статус временного резидента регулировался в рамках договорных отношений между органами власти мусульманского государства и временным резидентом. Известно, что первоначально рассматриваемый нами статус оформлялся в ходе военных походов арабов-мусульман. Тем жителям, взятого в осаду населенного пункта, которые отказывались принять новое подданство, гарантировалась безопасность в течение оговоренного отрезка времени, при условии, что они своевременно покинут территорию страны. Подобные соглашения заключались устно или в письменной форме. Впоследствии статус временного резидента был несколько

расширен и пересмотрен, он стал активно использоваться в правоприменительной практике и в мирное время, не потеряв при этом свой договорной характер. Так временными резидентами становились торговцы, путешественники и ученые-вольнодумцы, бежавшие в Арабский халифат из европейских стран.

Примечательно, что договорные отношения, заключаемые между органами власти мусульманского государства и временным резидентом, именовались *эман*, что в переводе на русский язык могло означать в зависимости от конкретной ситуации «хранение», «безопасность» или «уверенность». Как видно, семантическая нагруженность рассматриваемого нами понятия предполагала некие гарантии подданному иностранного государства на безопасное пребывание и беспрепятственное передвижение в границах Арабского халифата.

В арабском средневековом языке терминология, сопряженная с институтом временного резидента, сложилась далеко не сразу, став причиной разночтений в трудах авторитетных мыслителей. Известно, что в первые десятилетия становления арабо-исламской государственности помимо слова *эман* арабами широко использовалась лексема *дживар*, транслировавшая такие значения как «стена», «укрепление» или «защита». В данном контексте, человек, обратившийся за получением статуса временного резидента, мог именоваться *мюстеджир*, а тот, кому данный статус был предоставлен – *муджир*. Группа людей или целая община, получившая рассматриваемый нами статус, получала название *джар*. Известно, например, что данный же термин широко использовался при составлении и подписании известного Мединского соглашения для обозначения людей, ищущих убежище в новом государстве [4]. Однако позднее за временными резидентами закрепился термин *мюстемин*, который означал иностранца, заключившего договор о временном пребывании на территории Арабского государства. Данный термин уже известен российскому гуманитарному знанию [5]. Добавлю, что тот человек, который еще находился на стадии ведения переговоров о получении статуса, именовался *мюстемин*.

Как полагают некоторые исследователи, в первые десятилетия становления арабо-мусульманской государственности действующие правовые нормы не различали понятия *зимми* и *временный резидент*. Свою точку зрения они подтверждают тем, что в хадисах не прослеживается однозначно дифференцированный подход к обеим социальным группам. Известно также, что сторонник шафиитской правовой школы Аль-Маварди (974–1058) в своих работах писал об этой ситуации и призывал современников учитывать недоработки и ошибки своих предшественников [6]. Дифференцированный подход к понятиям *зимми* и *временный резидент* будет выработан несколько позднее – в период расцвета правовых школ исламского права в XI–XII вв.

Межобщинные отношения, оформившиеся в мусульманском государстве в период раннего средневековья, не могут не волновать современное российское общество.

Учитывая те сложные политические процессы, которые происходят сегодня на Ближнем и Среднем Востоке, знание устройства правового механизма, определявшего форму взаимодействия двух миров – мусульманского и немусульманского – в рамках одного государства становится особенно актуальным. Игнорирование обозначенной проблемы российским ученым сообществом чревато не только непониманием сути общественно-политических и социально-экономических трансформаций, влияющих на современный формат межкультурного диалога, но и неспособностью для нашей страны стать полноценным участником этого диалога. Исходя из этого, как видит автору данного исследования, институт временного резидента, оформившийся в рамках мусульманского межобщинного права, должен занять достойное место в отечественном правоведении. Автор надеется, что исследование затронутой темы получит необходимый импульс, что, в свою очередь, повысит авторитет российской юридической науки, как на международном уровне, так и в мусульманском мире.

Литература

1. Günay M. Devletler hukuku // İslam hukuku. Ankara: 2012. С. 336–344.
2. Нуриев Б. Д. Мусульманское международное право: проблема идентификации // Евразийский юридический журнал. 2015. №7. С.43–47.
3. Ekinçi E. İslam hukuku tarihi. İstanbul: Arı sanat yayınevi, 2006. С. 26.
4. Галиуллина С. Д., Нуриев Б. Д. Мединское соглашение (622 г.) как один из важнейших нормативных документов мусульманского права // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. №6. С.186–191.
5. Ихсаноглу Э. История Османского государства, общества и цивилизации: [В 2-х. томах]. Т. I. – М.: Восточная литература, 2006. С.154.
6. Ulusal Ş. İslam hukukunda uluslararası anlaşmalar. Doktora tezi. Ankara, 2006. С. 67.

Статья рекомендована к печати кафедрой теории государства и права Института права БашГУ
(докт. полит. наук, проф М. М. Утяшев).

The institute of temporary residence in Islamic law of the Early Middle Ages

B. D. Nuriev

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: nurievbd@mail.ru

The article discusses the institute of temporary residence formed within the framework of early medieval Islamic law. The author reveals the essence of temporary resident status, systematizes its main features and distinctive characteristics. Special attention is paid to the practical application of the institute of temporary residency in the Arab Caliphate. Also the author highlights the relevance of these topics for Russian humanitarians in the light of transformations in the modern world.

Keywords: the Arab Caliphate, interfaith relations, community law, a temporary resident, dhimmi.